

Е. П. Карнович

КАЛИОСТРО В ПЕТЕРБУРГЕ

50 коп.

Е. П. Карнович

**КАЛИОСТРО
В ПЕТЕРБУРГЕ**

**МОСКВА
«ПАНОРАМА»
1990**

ББК 84
К 21

Кроме личностей, оказавших более или менее сильное влияние на ход политических событий — если не в целой Европе, то в отдельных ее государствах, — заслуживают внимания со стороны исторической литературы еще и такие личности, которые, не имея политического значения, не только оставили после себя заметные почему-либо следы в каких-нибудь местных летописях, но даже успели приобрести себе громкую известность в разных концах Европы. Подробные исследования о таких личностях интересны преимущественно в том отношении, что при этом обрисовывается до некоторой степени состояние того общества, среди которого являлись эти личности. Так, среди одного общества они имели громадный успех, среди другого они прошли не слишком заметно, и, наконец, среди третьего деятельность их должна была прекратиться при первых же своих проявлениях. Такая неодинаковая участь постигала порою как предвестников таких истин, которым готовилось торжество в будущем, так и тех людей, которые впоследствии были признаны наглыми обманщиками, желавшими обратить легкоеверие общества в свою пользу. Разумеется, что все это обуславливалось весьма много качествами и способностями таких лиц, а также и теми средствами, какие они пускали в ход для распространения своего влияния не только на умы, но — что очень часто было еще важнее для них — и на карманы своих современников. Понятно, что общество, среди которого находили для себя не только радушный, но иногда даже и восторженный прием, а вместе с тем приобретали там и громадные денежные выгоды разные искатели приключений, эмпирики, шарлатаны, духовидцы и другие разного рода обманщики, — должно было чем-либо отличаться по своему складу и по господствовавшему в нем направлению от такого общества, в котором, наоборот, подобные личности не возбуждали к себе особенного доверия и не находили для себя легкой наживы.

Было бы, впрочем, не совсем основательно измерять успехи или неуспехи таких предприимчивых личностей только степенью умственного развития того или другого общества, так как удача многих лиц, сделавшихся известными своими похождениями, не зависела исключительно от одного этого, но обуславливалась и всей слишком разнообразной общественной обстановкой, а также и некоторыми особенными случайностями. Нередко бывало, что смелые пройдохи пробивались вперед там, где, по-видимому, достаточная степень умственного развития

должна была служить главной помехой для удач их проделок, и, напротив, они нередко испытывали неудачи там, где — как казалось — слабые задатки просвещения могли бы скорее всего благоприятствовать их успехам. Довольно замечательный пример подобной противоположности представляют похождения самого знаменитого во всей Европе шарлатана — известного под именем графа Калиостро. Нельзя не остановиться на том обстоятельстве, что этот мистик и чародей, изумлявший самую образованную часть публики в Париже и в Лондоне своими необыкновенными, сверхъестественными действиями и находивший себе множество приверженцев в Германии, не встретил в Петербурге ни приема, соответствовавшего его европейской известности, ни широкого применения для своей заманчивой практики. Между тем несомненно, что во второй половине прошлого столетия и Франция, и Англия, и Германия в сравнении с Россией стояли на высшей степени умственного развития. Казалось бы, что господствовавшее тогда у нас еще во всей своей силе суеверие в противоположность безверию, охватившему Францию, и рационализму, постоянно проявлявшемуся в Англии, должно было заранее обеспечить в России успехи Калиостро, действовавшего с такой силой не столько на умы, сколько на воображение. Поэтому, если жизнь его, исполненная и загадочности и приключений, представляет сама по себе много интересного, то вопрос о его чудодейственной практике собственно в России оказывается вопросом весьма занимательным в истории нашего общества, среди которого явился Калиостро, предшествоваемый молвой о творимых им чудесах.

Известно, что в прошедшем столетии Россия была как бы обетованной землей для иностранных авантюристов: здесь многие из них не только приобретали себе почет и богатство, но нередко достигали и самых высших государственных должностей, и вот почему с первого взгляда кажется довольно странным, что такой смелый, ловкий, предприимчивый и, можно даже сказать, такой необыкновенный человек, как Калиостро, успевший изумить две первенствующие европейские столицы, не воспользовался той, во всех отношениях благоприятной обстановкой, какая представлялась для него в тогдашней России. Между тем он сам поездку туда считал как бы завершением всех своих долголетних подвигов и, по собственным его словам, ему, быть может, пришлось бы в Петербурге явиться во всем своем величии и объяснить миру загадочность своего происхождения. По некоторым особым обстоятельствам, не без

вероятности можно заключить, что Калиостро чрезвычайно много рассчитывал на свое пребывание в Петербурге при дворе императрицы Екатерины II, а такие его расчеты, конечно, основывались на каких-нибудь соображениях относительно той среды, в которой пришлось бы ему проявить и свои знания, и свою деятельность. Быть может, Калиостро при поездке своей в Петербург думал о том, чтобы, заручившись благосклонным вниманием императрицы Екатерины II, обратиться в таинственное орудие ее политических планов. Наклонность к деятельности такого рода заметно проявляется в Калиостро, несмотря на всю его шарлатанскую обстановку.

II.

Иосиф Бальзамо, известный впоследствии под разными вымышленными именами, преимущественно же приобретший себе славу под именем графа Калиостро, родился 8 июня 1743 года в Палермо. Родители его, набожные католики, были честные торговцы сукном и шелковыми материями. Они старались сообразно своим средствам дать хорошее образование своему сыну, одаренному быстрым умом и пылким воображением. С этой целью они отдали его в семинарию св. Роха в Палермо. Он, однако, вскоре убежал оттуда, но был пойман и его поместили в монастырь св. Бенедетто (Бенедикта) около Картаджироне. Здесь он, по склонности к ботанике, поступил на выучку к монастырскому аптекарю и в его лаборатории нашел первые элементы для своего будущего шарлатанства в качестве медика. За произведенный им соблазн он был наказан отцами-бенедиктинцами, убежал от них и явился в Палермо, где вскоре ознаменовал свое пребывание различными плутовскими проделками, и, между прочим, при пособии одного из родственников — нотариуса, он подделал завешание в пользу маркиза Мориджи. Другой, более ухищренный поступок Бальзамо, и притом соединенный уже с мистицизмом, заключался в том, что он обобрал дочиста золотых дел мастера Марано, которому обещал найти в окрестностях Палермо богатейший клад. Обманув легковверного искателя кладов, Бальзамо уехал в Мессину и там принял фамилию тетки своей — Калиостро, прибавив к этой фамилии графский титул, о котором, однако,

впоследствии сам Калиостро говорил, что он не принадлежит ему по рождению, но имеет особое таинственное значение. В Мессине, по рассказам самого Калиостро, он встретился с таинственным армянином Алтотасом, которому и был обязан всеми своими познаниями. По новейшим изысканиям, этот Алтотас был, однако, никто иной, как Кольмер — лицо, происхождение которого остается неизвестным до сих пор. Кольмер долгое время жил в Египте, где познакомился с чудесами древней магии и с 1771 года стал посвящать других в тайны своего учения. Вместе с Алтотасом Калиостро посетил Египет, был в Мемфисе и Каире; из Египта они проехали на остров Родос, откуда снова хотели пуститься в Египет, но противные ветры пригнали их к острову Мальта. В это время великим магистром Мальтийского ордена был Пинто, имевший большую склонность к таинственным наукам. Он предоставил свою лабораторию Алтотасу и его молодому спутнику. Из них первый после своего пребывания на Мальте совершенно исчезает или, вероятнее, начинает действовать под другим именем, а Калиостро отправился в Неаполь, снабженный рекомендательным письмом великого магистра, к рыцарю Аквино де-Караманика, жившему в то время в Неаполе. Из Неаполя Калиостро хотел пробраться в Палермо, но побаивался, что с появлением его там поднимется дело о прежних его плутнях. Между тем он свел знакомство с одним сицилийским князем, страстным охотником до химии, и по приглашению князя поехал в его поместье, находившееся около Мессины. После различных проделок с князем-алхимиком в свою пользу Калиостро явился в Неаполь с целью открыть там игорный дом, но заподозренный неаполитанскою полицией перебрался в Рим, где пустился в ханжество, а вместе с тем и влюбился в молодую девушку Лоренцо Феличиани или Феликиани. Кроме любви, Калиостро при этой женитьбе руководился и другими соображениями: он имел в виду обратить красавицу Лоренцу в помощницу всех своих корыстных затей. Внушения, делаемые Калиостро молодой женщине в том смысле, что преданная жена не должна для выгод мужа останавливаться даже перед собственным позором, расстроили на первых же порах добрые отношения между ним и его тестем, отцом Лоренцы. В Риме Калиостро сошелся с двумя личностями: с Оттавио Никастро, окончившим потом свою жизнь на виселице, и с маркизом Альято, умевшим подделывать всякие почерки и составившим при помощи этого искусства для Калиостро патент на имя полковника испанской службы,

каким чином он впоследствии и именовал себя в бытность свою в Петербурге. Никастро, повздорив с Альято, донес на него, и маркиз поспешил скрыться из Рима, увлекши за собою и Калиостро и Лоренцу. В Бергамо маркиз, которому угрожал арест, бросив Калиостро, захватил с собой все деньги. Оставшись вследствие этого в самом бедственном положении, молодая чета под видом пилигримов, идущих на поклонение св. Иакову Кампостельскому, отправилась в Антиб, и здесь началась скитальческая жизнь Калиостро и Лоренцы. Достигнув Мадрида и поторговав там прелестями своей жены, Калиостро приехал с ней в Лиссабон, а оттуда в 1772 году пустился прямо в Лондон, но первый приезд Калиостро в столицу Англии был не блестящ; он явился там только в качестве эмпирика, успел посидеть в тюрьме и, выкупленный Лоренцею, перебрался с ней в Париж. С ними туда приехал некто Дюпле-зир, человек весьма богатый. Калиостро пользовался его кошельком, а, с своей стороны, когда Дюплезир увидел, что он, благодаря своему спутнику, сильно разорился, то убедил Лоренцу бросить мужа. Она действительно бежала от него, но Калиостро успел выхлопотать королевское повеление, в силу которого Лоренца была посажена в крепость Сен-Пелажи, откуда была выпущена 21 декабря 1772 года. В Париже Калиостро до некоторой степени повезло, так как он начал там пользоваться известностью алхимика, заставив многих французов верить, что у него есть и философский камень, и жизненный эликсир, т. е. таких два блага, которые могли составить и упрочить земное блаженство каждого человека.

В Париже Калиостро собрал с своих легковверных адептов порядочную деньгу. Но в это время его начали беспокоить успехи Месмера, открывшего животный магнетизм, и Калиостро отправился из Парижа в Брюссель, оттуда пустился странствовать по Германии, вступая в сношения с тамошними масонскими ложами. В Германии Калиостро был посвящен в масоны, и тогда он увидел возможность применить свои знания и опытность к более обширной деятельности. Странствования Калиостро продолжались: из Германии он проехал в Палермо, но был там арестован по делу Марано. Кроме того, там угрожала ему и другая еще беда: хотели поднять затихнувшее дело о подложном завещании в пользу маркиза Мориджи. Калиостро удалось, однако, обмануть деятельность палермской полиции, и вскоре он очутился на острове Мальта, где был принят с большим почетом своим прежним знакомым, великим магистром Пинто. Оставив Мальту, Калиостро перебрался

в Неаполь и отсюда собирался ехать в Рим, но, убоявшись бдительности папской инквизиции, пустился в Испанию, где он, впрочем, не имел никакого успеха. Из Испании Калиостро уехал в Лондон, и с этого приезда в столицу Англии началась его громкая слава.

III.

Так как главная наша задача заключается не в подробном жизнеописании Калиостро, но в том, чтоб объяснить, почему он, пользовавшийся таким видным и выгодным положением и в Париже, и в Лондоне, обманулся в своих расчетах на Петербург, то для объяснения этого нужно сказать несколько слов, чем обуславливались его необыкновенные успехи в Лондоне и в Париже.

Вступив в орден масонов, Калиостро открыл себе в Лондоне доступ в такие кружки общества, где он не мог бы иметь особого значения как эмпирик, духовидец и алхимик. Было бы неуместно рассказывать здесь всю историю масонства, и потому мы заметим только, что оно не представляет ничего особенного до его преобразования, т. е. до конца XVII и начала XVIII столетия, когда с упадком мистического значения зодчества стали выделяться из правил древнего масонского братства или каменщиков правила чисто нравственные с применением их и к политическому строю общества. В таком направлении масонство явилось впервые в Англии, где политическая свобода давала возможность возникать всевозможным обществам и братствам, не навлекая на них преследования со стороны правительства. В Англии масоны были приверженцами Стюартов, почему Калиостро, явившись в Лондон последователем масонства, при своей решительности, твердости воли и умении обольщать людей мог найти для себя обширный круг адептов. Особенной надобности в шарлатанстве при этом не встречалось, так как вообще английские масоны не гонялись за осуществлением несбыточных вещей; презирали пустые внешние обряды, пышность церемоний, тщеславные титулы и не допускали высоких степеней масонства. По всему этому, образ действий Калиостро среди английских масонов заметно отличается от того, как он поступал среди французских масонов, которые по обстановке своего ордена составляли как бы совершенную противопо-

ложность английскому масонству. Применяясь в своих действиях, смотря по надобности, и к обстановке английского, и к обстановке французского масонства, Калиостро был вообще одним из самых усердных и полезных членов этого братства, а его таинственные знания служили ему средством для приобретения себе известности вне масонских кружков, для которых такой человек, как Калиостро, имевший большое влияние на массы, был весьма пригодной находкой. Все денежные средства, которые он мог употреблять на свою роскошную жизнь, а отчасти и на дела благотворительные, доставлялись ему масонскими ложами, а между тем богатство Калиостро, почерпавшееся из неведомых никому источников, заставляло многих верить, что он владеет философским камнем.

С целью увеличить свое влияние Калиостро явился в Лондоне основателем египетского масонства, допускавшего применение таинственных сил природы. Впрочем, во время своего второго пребывания в Лондоне Калиостро значительно изменился против прежнего: из пройдохи, искателя приключений он обратился в человека необыкновенного, изумившего вскоре всю Европу. Нельзя, однако, не сказать, что и здесь в нем бьется прежняя его жилка — шарлатанство, но оно уже далеко не мелочное. Из пустого говоруна Калиостро сделался человеком молчаливым, говорил исключительно о своих путешествиях по Востоку, о приобретенных им там глубоких знаниях, открывших перед ним тайны природы, но даже и такие серьезные разговоры он вел не очень охотно. Большей же частью, после долгих настояний собеседников объяснить им что-нибудь таинственное или загадочное, Калиостро ограничивался начертанием усвоенной им эмблемы, которая представляла змею, державшую во рту яблоко, пронзенное стрелой, что указывало на мудреца, обязанного хранить свои знания в тайне, никому не доступной. В свою очередь изменилась и Лоренца, переименованная в то время Серафимою, она, оставив прежнюю нецеломудренную жизнь, стала теперь вращаться в среде почтенных квакеров, ведя между ними пропаганду в пользу своего мужа.

Что касается египетского масонства, то Калиостро не был собственно его основателем. Оно до него еще было изложено в рукописи какого-то Джорджа Гостона. Калиостро купил случайно эту рукопись у одного лондонского букиниста и воспользовался ею, хотя и говорил, что мысль о таком масонстве была почерпнута им в папирусах египетских пирамид. Как бы то ни было, но со времени своей вторичной поездки в Лондон

Калиостро явился деятельным масоном, понимая ту выгоду, какую он может извлекать из своих познаний, приобретенных им на Востоке, находясь в составе таинственного общества, имевшего логи во всех частях Европы. От масонства около этой поры стало веять сильным мистицизмом. Папа Климент XII объявил о нем как о дьявольской секте. Европейские государи, в свою очередь, побаивались козней и скрытной силы масонов. Понятно, что в добавок ко всему этому, такая личность, как Калиостро, сделавшись заметной в подобном обществе, обращала на себя особенное внимание своих многочисленных собратий.

Устроив хорошо дела свои в Лондоне, Калиостро поехал на время в Венецию и там явился он под именем маркиза Пеллегрини, но, не поладив с тамошней слишком зоркой полицией, перебрался в среду германских масонов. Из Германии Калиостро, посетив предварительно Вену, проехал в Голштинию, где свиделся с жившим там на покое знаменитым графом Сен-Жерменом. От него он отправился в Курляндию с целью проехать в Петербург. Легко могло быть, что поездку в Россию посоветовал ему граф Сен-Жермен, который, по свидетельству барона Глейхена, был в Петербурге в июне 1762 года и сохранил дружеские отношения к князю Григорию Орлову, называвшему Сен-Жермена «саго padre»¹.

IV.

Весьма подробные известия о пребывании в Курляндии Калиостро содержатся в книге, напечатанной в 1787 году в Петербурге. Книга эта довольно объемистая под заглавием: «Описание пребывания в Митаве известного Калиостро на 1779 год и произведенных им там магических действий» была переведена с немецкого Тимофеем Захарьиным. Оригинал же написан Шарлотой-Елизаветой-Констанцией фон-дер-Рекке «урожденной графиней Медемской», родная сестра которой, Доротея, была замужем за Петром Бироном, герцогом курляндским. Так как собственно о пребывании Калиостро в Петербурге имеется немного, да при том и слишком сомнительных сведений, то известия, сообщаемые о Калиостро Шар-

---

¹ «Дорогой отец» (итал.).— (Ред.).

лотой фон-дер-Рекке, представляют для нас особый интерес, потому что Митава была прямым его переходом в Петербург. Кроме того, в Митаве Калиостро подготовлялся к тому, чтобы подействовать на Екатерину II.

В столице Курляндии Калиостро нашел хорошую для себя работу: там были и масоны и алхимики, впрочем, плохие, и люди легковверные, принадлежавшие к высшему тамошнему кругу. Калиостро впоследствии был до того уверен в добром к нему расположении своих курляндских адептов, что в оправдательной своей записке, изданной им в 1786 году, ссылался на них как на свидетелей, готовых показать в его пользу. На первых же порах, в феврале 1779 года, Калиостро встретил самый радушный прием в семействе графов Медемов, где занимались и магией и алхимией. Тогдашний курляндский обер-бург-граф Ховен считал себя алхимиком, как и майор барон Корф. В Митаве Калиостро выдал себя за испанского полковника, сообщая под рукой тамошним масонам, что он отправлен своими начальниками на север по делам весьма важным и что в Митаве ему поручено явиться к Ховену, как к великому мастеру местной масонской ложи. Он говорил, что в основанную им, Калиостро, ложу будут допущены и женщины. Лоренца со своей стороны весьма много способствовала мужу. В Митаве Калиостро явился проповедником строгой нравственности в отношении женщин, неловкость же свою в обществе он объяснял долговременным житьем в Медине и Египте. Он на первый раз не обещал ничего такого, чего бы, по-видимому, не мог сделать. Относительно своих врачебных знаний Калиостро сообщил, что, изучив медицину в Медине, он дал обет странствовать некоторое время по целому свету для пользы человечества и без мзды отдать обратно людям то он получил от них. Лечил Калиостро взварами и эссенциями, а своей самоуверенностью придавал больным надежду и бодрость. По мнению его, все болезни происходят от крови.

Но одновременно с этим он, мало-помалу, стал пускаться в таинственность. Так, он обещал Шарлоте фон-дер-Рекке, сначала сильно уверовавшей в него, что она будет иметь наслаждение в беседе с мертвыми, что со временем она будет употреблена для духовных путешествий по планетам, будет возведена на степень защитницы земного шара, а потом, как испытанная в магии ученица, вознесется еще выше. Калиостро уверял легковверных, что Моисей, Илия и Христос были создателями множества миров и что это же самое в состоянии будут сделать его верные последователи и последовательницы, доста-

вив людям вечное блаженство. Как первый к тому шаг, он заповедовал, что те, которые желают иметь сообщение с духами, должны постоянно противоборствовать всему вещественному.

Но освоившись несколько с курляндскими немцами и увидев, что и их можно морочить по части магии и алхимии, Калиостро принялся и за это. Так, он своим ученикам высших степеней стал преподавать магические науки и демонологию, избрав объяснительным для того текстом книги Моисея и допуская при этом, по словам Шарлоты фон-дер-Рекке, самые безнравственные толкования. Людей положительных с точки зрения материальных выгод, но в то же время и легковверных Калиостро привлекал к себе обещанием обращать все металлы в золото, увеличивать объем жемчуга и драгоценных камней. Говорил, что может плавить янтарь, как олово, для чего и прописал состав, который, однако, был ничто иное, как смесь для курительного порошка, и когда нашлись смельчаки, объявившие об этом Калиостро, то он, не растерявшись нисколько, заявил, что такой выдумкой он хотел только вывести склонности учеников и что теперь, к крайнему своему сожалению, видит, что в них более охоты к торговле, нежели стремления к высшему благу. Вероятность добывания Калиостро золота поддерживалась тем, что он во время своего пребывания не получал ниоткуда денег, не предъявлял банкирам никаких векселей, а между тем жил роскошно и платил щедро не только в сроки, но и вперед, так что вследствие этого исчезала всякая мысль о его корыстных расчетах. Производил же в Митаве Калиостро разные чудеса, между прочим, показывая в графине воды то, что делалось на больших расстояниях, он обещал также открыть в окрестностях Митавы необъятный клад. Заговаривая о предстоящей своей поездке в Петербург, Калиостро входил в роль политического агента, обещая сделать многое в пользу Курляндии у императрицы Екатерины II. Он подзывал с собою в Петербург девицу Рекке, и как отец, так и члены ее семейства в качестве истинных курляндских патриотов старались склонить ее к поездке в Россию. Для самого же Калиостро было небезвыгодно явиться в Петербург в сопровождении девицы одной из лучших курляндских дворянских фамилий и притом поехавшей с ним по желанию ее родителей, пользовавшихся в Курляндии большим почетом. С своей стороны, девица фон-дер-Рекке — как она сама пишет — соглашалась отправиться в Петербург с Калиостро только тогда, когда императрица Екатерина II сделается защитницей «ложи союза» в своем государстве

и «позволит себя посвятить магии», и если она прикажет Шарлоте Рекке приехать в свою столицу и быть там основательницей этой ложи. Но и эту поездку она хотела предпринять не иначе как в сопровождении отца, «надзирателя», брата и сестры.

Вообще расположение курляндцев к Калиостро было так велико, что, по некоторым известиям, они хотели избрать его своим герцогом, вместо Петра Бирона, которым были недовольны. Трудно, впрочем, поверить, чтобы курляндцы в своем увлечении к Калиостро дошли до такой степени, тем не менее подобного рода известие намекает на то, что Калиостро вел в Митаве небезуспешно какую-нибудь политическую интригу, развязка которой должна была произойти в Петербурге.

Сочинительница книги, о которой мы упомянули, называет Калиостро обманщиком, «произведшим о себе великое мнение» в Петербурге, Варшаве, Страсбурге и Париже. По рассказам ее, Калиостро говорил худым итальянским языком и ломаным французским, хвалился, что знает по-арабски, но проезжавший в то время через Митаву профессор упсальского университета Норберг, долго живший на Востоке, обнаружил полное неведение Калиостро по части арабского языка. Когда заходила речь о таком предмете, на который Калиостро не мог дать толкового ответа, то он или засыпал своих собеседников нескончаемой, непонятной речью или отделялся коротким уклончивым ответом. Иногда он приходил в бешенство, махал во все стороны шпагой, произнося какие-то заклинания и угрозы, а между тем Лоренца просила присутствующих не приближаться в это время к Калиостро, так как в противном случае им может угрожать страшная опасность от злых духов, окружавших в это время ее мужа.

Не совсем сходный с этим отзыв о Калиостро находится в записках барона Глейхена (*Souvenirs de Charles Henri baron de Gleichen, Paris, 1868*)¹. «О Калиостро, пишет Глейхен, говорили много дурного, я же хочу сказать о нем хорошее. Правда, что его тон, ухватки, манеры обнаруживали в нем шарлатана, преисполненного заносчивости, претензий и наглости, но надобно принять в соображение, что он был итальянец, врач, великий мастер масонской ложи и профессор тайных наук. Обыкновенно же разговор его был приятный и поучительный, поступки его отличались благотворительностью и бла-

---

¹ Воспоминания Шарля Анри барона Глейхена. Париж. 1868 (франц.). — (Ред.).

городством, лечение его никому не делало никакого вреда, но, напротив бывали случаи удивительного исцеления. Платы с больных он не брал никогда». Другой современный отзыв о Калиостро, несходный также с отзывом Шарлоты фон-дер-Рекке, был напечатан в *Gazette de Santé*¹. Там, между прочим, замечено, что Калиостро «говорил почти на всех европейских языках с удивительным, всеувлекающим красноречием».

При тогдашних довольно близких сношениях между Митавой и Петербургом пребывание Калиостро в первом из этих городов должно было легче всего подготовить ему известность в последнем. Употребляя все хитрости для того, чтобы девица Рекке поехала с ним, Калиостро говорил ей, что он примет в число своих последовательниц императрицу Екатерину, как защитницу масонской ложи, учредительницей которой должна была быть Шарлота. В Митаве Калиостро в семействе фон-дер-Рекке открылся, что он не испанец, не граф Калиостро, но что он служил великому Коффе под именем Фридриха Гвалдо, и заявлял при этом, что должен таить свое настоящее звание, но что, быть может, он сложит в Петербурге непринадлежащее ему имя и явится во всем величии. При этом он намекал, что право свое на графский титул он основывал не на породе, но что титул этот имеет таинственное значение. Все это делал он, как замечает девица Рекке, для того, что если бы в Петербурге обнаружилось его самозванство, то это не произвело бы в Митаве никакого впечатления, так как он заранее предупреждал, что скрывает настоящее свое звание и имя.

V.

Отправляясь из Митавы в Петербург, Калиостро как проповедник, в качестве масона, филантропо-политических доктрин, мог, по-видимому, рассчитывать на благосклонный прием со стороны императрицы Екатерины II, успевшей составить себе в образованной Европе известность смелой мыслительницы и либеральной государыни. Как врач, эмпирик и алхи-

---

¹ «Газетт де Санте» (франц.). — (Ред.).

мик, обладатель и философского камня и жизненного эликсира, Калиостро мог рассчитывать на то, что в высшем петербургском кругу у него найдется и пациентов и адептов не менее чем было и тех и других в Париже или в Лондоне. Наконец, как маг, кудесник и чародей, он, казалось, скорее всего мог найти для себя поклонников и поклонниц в громадных невежественных массах русского населения. Наконец, ограничиваясь только деятельностью масона, Калиостро мог предполагать, что он встретит в Петербурге много сочувствующих ему лиц.

Из исследования покойного Лонгинова «Новиков и мартинисты» видно, что масонство введено было в Россию Петром Великим, который, как рассказывают, основал в Кронштадте масонскую ложу и имя которого пользовалось у масонов большим почетом. Положительное же свидетельство о существовании у нас, в России, масонов относится к 1738 году. В 1751 году их немало уже было в Петербурге. В Москве они появились в 1760 году. Из столиц масонство распространилось в провинции, и масонские ложи были заведены в Казани, а с 1779 года в Ярославле. Учредителем тамошней ложи был известный екатерининский сановник Алексей Петрович Мельгунов. Петербургские масоны горели желанием быть посвященными в высшие степени масонства и потому надобно было полагать, что появление среди них такого человека, каким был Калиостро, не останется без сильного влияния на русское масонство.

При таких условиях явился в Петербург Калиостро в сопровождении Лоренцы. Здесь он главным образом метил на то, чтоб обратить на себя внимание самой императрицы; но, как видно из писем Екатерины к Циммерману, он не успел не только побеседовать, но даже и видаться с ней. Шарлота Рекке, которая, как надобно предполагать, весьма старательно следила за поездкой Калиостро в Петербург, пишет: «о Калиострове пребывании в Петербурге я ничего верного сказать не знаю. По слуху же, однако, известно, что хотя он и там разными чудесными выдумками мог на несколько времени обмануть некоторых особ, но в главном своем намерении ошибся». В предисловии же к книге Шарлоты Рекке говорится «всякому известно, сколь великое мнение произвел о себе во многих людях обманщик сей в Петербурге». В сделанной же при этом неизвестно кем сноске,— по всей, однако, вероятности переводчиком — добавляется: «Между тем не удалось Калиостро исполнить в Петербурге своего главного намерения, а именно уверить Екатерину Великую о истине искусства своего. Сия

несравненная государыня тотчас проникла обман. А то, что в так называемых записках Калиостровых (*Memoires de Cagliostro*)¹ упоминается о его делах в Петербурге, не имеет никакого основания. Ежели нужно на это доказательство, что Екатерина Великая, явная неприятельница всякой сумасбродной мечты, то могут в том уверить две искусным ее пером писанные комедии: «Обманщик» и «Обольщенный». В первой выводится на театре Калиостро под именем Калифалкжерстона. Новое тиснение сих двух по сочинительнице и по содержанию славных комедий сделает их еще известнее в Германии».

Далее в «Введении» к той же книге, когда в помещенном в нем письме из Страсбурга к сочинительнице «Описания» упоминается, что Калиостро разглашает о своем знакомстве с императрицей Екатериной II, сделана также сноска, в которой говорится следующее: «у сей великой Монархини, которую Калиостро столь жестоко желалось обмануть, намерение его осталось втуне. А что в рассуждении сего писано в записках Калиостровых, все это вымышлено и таким-то образом одно из главнейших его предприятий, для коих он своих старейшин отправлен, ему не удалось; от этого-то может быть он принужден был и в Варшаве в деньгах терпеть недостаток, и разными обманами для своего содержания доставать деньги».

Из других сведений, заимствуемых из иностранных сочинений о Калиостро, оказывается, что он явился в Петербург под именем графа Феникса. Могуущественный в то время князь Потемкин вследствие распространенной молвы о Калиостро оказал ему особое внимание, а с своей стороны Калиостро успел до некоторой степени отуманить князя своими рассказами и возбудить в нем любопытство к тайнам алхимии и магии. По словам г. Хотинского («Очерки чародейства». С.-Петербург, 1866 г.), «обаяние этого рода продолжалось недолго, так как направление того времени было самое скептическое, и потому,— говорит Хотинский,— мистические и спиритические идеи не могли иметь большого хода между петербургской знатью. Роль магика оказалась неблагоприятною и Калиостро решился ограничить свое чародейство одними только исцелениями, но исцелениями, чудесность и таинственность которых должны были возбудить изумление и говор».

С замечанием г. Хотинского о неблагоприятном для Калиостро умственном настроении тогдашней петербургской знати

---

¹ «Мемуары Калиостро» (франц.).— (Ред.).

согласиться вполне нельзя. Сильных умов среди ее почти не было, да при том один из самых заметных в этом отношении людей той поры статс-секретарь императрицы Елагин явился ревностным сторонником Калиостро, который, по словам г. Лонгинова, кажется даже и жил в доме Елагина. Скептицизм же тогдашнего петербургского общества был напускной и по всей вероятности он скоро исчез, если бы Калиостро удалось подольше пожить в Петербурге, пользуясь вниманием императрицы. Нельзя не принять в соображение, что скептицизм гораздо сильнее господствовал в Париже, но и там он не мешал громадным успехам Калиостро и, без всякого сомнения, неудачи Калиостро в Петербурге зависели от других более влиятельных причин.

Калиостро не явился в Петербург и шарлатаном-врачом, наподобие других заезжих туда иностранцев, промышлявших медицинской профессией и печатавших о себе самые громкие рекламы в «С.-Петербургских Ведомостях». Так, во время пребывания его в нашей столице жившие в Большой Морской у его сиятельства графа Остермана братья Пелье, «французские глазные лекари» объявили, что они «искусство свое ежедневно подтверждают, возвращая зрение множеству слепых». Они рекомендовали петербургским жителям предохранительные от глазных болезней капли, которые «также вполне приличны особам в письменных делах и мелких работах упражняющимся». В то же время прибывший в Петербург из Парижа зубной врач Шоберт, объявляя о чудесных средствах к излечению зубов от разных болезней, а, между прочим, и «от удара воздуха», таким подходом старался распространить свои рекламы. Он писал: «господин Шоберт в заключение ласкает себя надеждой, что податливые и о бедных соболезнующие особы, читая сие уведомление, благоволят споспешествовать его намерениям (т. е. оказывать больным помощь безвозмездно), сообщая сие уведомление своим знакомым, дабы через то привести бедным в способность пользоваться оным». Калиостро не нисходил до таких реклам, хотя и, как видно из других источников, он не только лечил бедных безвозмездно, но даже и оказывал им с своей стороны денежное пособие. Вообще от Калиостро не было в Петербурге никаких частных объявлений и он, без сомнения, держал себя врачом высокого полета, считая унижительным для своего достоинства прибегать к газетным объявлениям и рекламам.

Между тем время для этого было благоприятное. В ту пору верили в возможность самых невероятных открытий по части

всевозможных исцелений. Так, во время бытности Калиостро в Петербурге в существовавшем тогда в «С.-Петербургских Ведомостях» отделе «Разные известия» сообщалось, что «славный дамский парижский портной, именуемый Дофемон (Dofemont) выдумал делать корпусы (корсеты) для женских платьев отменно выгодные и нашел средство уничтожать горбы у людей, а парижская академия наук, медицинский факультет, хирургическая академия и общество портных в Париже одобрили сие новое изобретение».

По рассказу г. Хотинского, Калиостро не долго ждал случая показать «самый разительный пример своего трансцендентного искусства и дьявольского нахальства и смелости».

У князя Г., знатного барина двора Екатерины II, опасно заболел единственный сын, младенец еще грудной, имевший около 10 месяцев. Все лучшие тогдашние петербургские врачи признали этого ребенка безнадежным. Родители были в отчаянии, как вдруг кому-то пришло на мысль посоветовать им, чтоб они обратились к Калиостро, о котором тогда начинали рассказывать в Петербурге разные чудеса. Калиостро был приглашен и объявил князю и княгине, что берется вылечить умирающего младенца, но с тем непременно условием, чтобы дитя было отвезено к нему на квартиру и предоставлено в полное и безотчетное его распоряжение, так, чтобы никто посторонний не мог навещать его и чтобы даже сами родители отказались от свидания с больным сыном до его выздоровления. Как ни тяжелы были эти условия, но крайность заставила согласиться на них, и ребенка, едва живого, отвезли в квартиру Калиостро. На посылаемые о больном ребенке справки Калиостро, в течение двух недель, отвечал постоянно, что ребенку делается день ото дня все лучше и, наконец, объявил, что так как сильная опасность миновала, то князь может взглянуть на малютку, лежавшего еще в постели. Свидание продолжалось не более двух минут, радости князя не было пределов, и он, — как передает Хотинский на основании некоторых рукописных сведений того времени, — предложил Калиостро тысячу имперIALов золотом. Калиостро отказался наотрез от такого подарка, объявив, что он лечит безвозмездно, из одного только человеколюбия.

Затем Калиостро потребовал от князя взамен всякого вознаграждения только строгого исполнения прежнего условия, т. е. непосещения ребенка никем из посторонних, уверяя, что всякий взгляд, брошенный на него другим лицом, исключая лишь тех, которые ходят теперь за ним, причиняет ему вред

и замедляет выздоровление. Князь согласился на это и весть об изумительном искусстве Калиостро как врача быстро разнеслась по всему Петербургу. Имя графа Феникса было у всех на языке, и больные из числа самых знатных и богатых жителей столицы начали обращаться к нему, а он своими бескорыстными поступками с больными успел снискать себе уважение в высших классах петербургского общества.

Ребенок оставался у Калиостро более месяца, и только в последнее время отцу и матери было дозволено видеть его сперва мельком, потом подолее и, наконец, без всяких ограничений. Наконец, он был возвращен родителям совершенно здоровый. Готовность князя отблагодарить Калиостро самым щедрым образом увеличилась еще более против прежнего. Теперь он предложил ему уже не тысячу, но, как тогда говорили, пять тысяч империалов. Долго, но постепенно все слабее и слабее, отказывался Калиостро от этой весьма значительной суммы. Князь, с своей стороны, замечал графу, что если он не хочет принять денег собственно для себя, то может взять их для того, чтобы употребить по своему усмотрению для благотворительных целей. Калиостро отказывался от этого любезного предложения и тогда князь Г. оставил эту сумму в его квартире, как будто по забывчивости, а Калиостро, с своей стороны, не возвратил ему ее.

Прошло несколько дней после отдачи родителям их ребенка, как вдруг в душу его матери запало страшное подозрение: ей показалось, что ребенок был подменен. Г. Хотинский, который, как мы заметили, имел по этому делу какую-то секретную рукопись, замечает: «конечно, подозрение это имело довольно шаткие основания, но тем не менее оно существовало и слух об этом распространился при дворе; он возбудил в очень многих прежнее недоверие к странному выходцу».

В книге, составленной будто бы по рукописи камердинера Калиостро *, сын знатного петербургского вельможи заменен двухлетнюю дочь, которую будто бы Калиостро действительно подменил чужим ребенком, и весь Петербург заговорил об этом. Когда же началось по поводу этого говора следствие, то Калиостро не отпирался от сделанного им подмена, заявляя, что так как отданный ему на излечение ребенок действительно умер, то он решился на обман для того только, чтобы хотя на не-

* Aechte Nachrichten von den Grafen Cagliostro aus Handschrift seines entflohenen Kammerdiners. Berlin. 1786¹.

¹ «Достоверные известия о графе Калиостро по рукописи его камердинера». Берлин, 1786.

которое время замедлить отчаяние матери. Когда же его спросили, что он сделал с трупом умершего ребенка, то Калиостро отвечал, что, желая сделать опыт возрождения (палингенезиса), он сжег его.

В заключение рассказа о пребывании Калиостро в Петербурге г. Хотинский говорит, что Калиостро, не будучи ревнивым к Лоренце, заметив, что князь Потемкин теряет прежнее к нему доверие, вздумал действовать на князя посредством красавицы-жены. Потемкин сблизился с нею, но на такое сближение посмотрели очень неблагоприятно свыше, а к тому времени подоспела история о подмене младенца. Тогда графу Фениксу и его жене приказано было немедленно выехать из Петербурга, причем он был снабжен на путевые издержки довольно крупной суммой.

VI.

В небольшой книжке, изданной в 1855 г. в Париже под заглавием «*Aventures de Cagliostro*»¹, встречается несколько более подробных сведений о пребывании Калиостро в Петербурге. Так, там рассказывается, что при приезде в Петербург Калиостро заметил, что известность его в России вовсе не была так громка, как он полагал прежде, и он, как человек чрезвычайно сметливый, понял, что при подобном условии ему невыгодно было выставлять себя напоказ с первого же раза. Он повел себя чрезвычайно скромно, без всякого шума, выдавая себя не за чудотворца, не за пророка, а только за медика и химика. Жизнь он вел уединенную и таинственную, а между тем это самое еще более обращало на него внимание в Петербурге, где известные по чему-либо иностранцы являлись постоянно на первом плане не только в высшем обществе, но и при дворе. В то же время он распускал слух о чудесных исцелениях, совершенных им в Германии никому еще не известными способами, и вскоре в Петербурге заговорили о нем, как о необыкновенном враче. С своей стороны, и красавица Лоренца успела привлечь к себе мужскую половину петербургской знати и, пользуясь этим, рассказывала удивительные вещи о своем муже, а также об его почти четырехтысячелетнем существовании на земле.

---

¹ «Приключения Калиостро» (франц.). — (Ред.).

В книге, составленной по рукописи камердинера, упоминается и о другом еще способе, пущенном Калиостро в Петербурге в ход для наживы денег. Красивая и молодая Лоренца говорила посетительницам графа, что ей более сорока лет и что старший ее сын уже давно находится капитаном в голландской службе. Когда же русские дамы изумлялись необыкновенной моложавости прекрасной графини, то она замечала, что против действия старости изобретено ее мужем верное средство и не желавшие стариться барыни спешили покупать за громадные деньги склянки чудодейственной воды, продаваемой Калиостро.

Многие, если и не верили ни в это средство, ни в жизненный эликсир Калиостро, зато верили в умение его превращать всякий металл в золото, а и это одно искусство должно было доставлять ему в Петербурге немало адептов, в числе которых, как оказывается, был и статс-секретарь Елагин. В отношении петербургских врачей Калиостро действовал весьма политично, он отказывался лечить являвшихся к нему разных лиц, ссылаясь на то, что им не нужна его помощь, так как в Петербурге и без него находятся знаменитые врачи. Но такие, по-видимому, слишком добросовестные отказы еще более усиливали настойчивость являвшихся к Калиостро пациентов. Кроме того, на первых порах он не только отказывался от всякого вознаграждения, но даже сам помогал деньгами бедным больным.

Затем в названной выше книжке «*Aventures de Cagliostro*»¹ рассказывается весьма подробно о любовных похождениях князя Потемкина с женой Калиостро и к этому добавляется, что такие похождения были причиной быстрой высылки Калиостро из Петербурга. О подмене ребенка упоминается также и в этой книжке, причем князь Г. заменен графом ***. О такой подмене стала ходить молва в Петербурге, и императрица Екатерина II тотчас воспользовалась ею для того, чтобы побудить Калиостро к безотлагательному отъезду из Петербурга, тогда как настоящим к тому поводом была будто бы любовь Потемкина к Лоренце.

Надобно, впрочем, предполагать, что неудаче Калиостро содействовали главным образом другие причины.

Одно то обстоятельство, что Калиостро явился в Петербург не просто врачом или алхимиком, но вместе с тем и таинственным политическим деятелем, как глава новой масонской ложи,

---

¹ «Приключения Калиостро» (франц.). — (Ред.).

должно было предвещать ему, что он ошибется в своих смелых расчетах. Около этого времени императрица Екатерина II не слишком благосклонно посматривала на тайные общества и приезд такой личности, как Калиостро, не мог не увеличить ее подозрений. Во время приезда Калиостро в Петербург масонство было здесь в сильном развитии, и он с первого же раза нашел себе самый радушный прием в доме статс-секретаря императрицы А. П. Елагина.

В одной, ныне весьма редкой книжке «Anecdotes secrètes de la Russie»¹ нам встретились касательно отношения Калиостро к Елагину довольно подробные сведения. Из этого источника, за достоверность которого, конечно, никак нельзя ручаться, мы узнаем, что, познакомившись с Елагиным, Калиостро сообщил ему о возможности делать золото. Несмотря на то, что Елагин был одним из самых образованных русских людей того времени, он поверил выдумке Калиостро, который обещал научить Елагина этому искусству в короткое время и при небольших издержках. Елагин поддался выдумке Калиостро, но один из его секретарей — фамилия его не упоминается — человек чрезвычайно умный и сведущий, обнаружил плутни алхимика. «Достаточно раз побеседовать с графом Фениксом, — говорил секретарь Елагину, — для полного убеждения в том, что он наглый шарлатан». Елагин продолжал, однако, доверяться Калиостро, который, пользуясь этим, успел уже обобрать его на несколько тысяч рублей. Однажды Калиостро приехал обедать к Елагину, последнего не было дома, и потому он в ожидании Елагина принялся болтать с бывшим в столовой секретарем. Разговор Калиостро был очень занимателен, но с явными ошибками и по истории, и по географии. Собеседник Калиостро, заметив это, попросил прекратить вздорную болтовню, но расходившийся рассказчик не унимался. Тогда секретарь, взбешенный тем, что его так нагло дурачат, дал Калиостро пощечину и вышел из столовой. Дождавшись приезда Елагина, Калиостро пожаловался ему, и вследствие этого начальник сделал строгий выговор своему подчиненному. Тогда этот последний стал пускать в ход по Петербургу рассказы о шарлатанских проделках Калиостро в разных местах и тем самым сильно подорвал его кредит в петербургском обществе, в котором Калиостро нашел кроме Елагина и других легковверных людей, а в числе их был и граф Александр Сер-

---

¹ «Тайные истории России» (франц.). — (Ред.).

геевич Строганов, один из самых видных вельмож екатерининского двора.

Чрезвычайно неблагоприятно на положение Калиостро в Петербурге подействовало также напечатанное в русских газетах тогдашним испанским резидентом Нормандецом заявление, что никакой граф Феникс в испанской службе полковником никогда не состоял. Этим официальным объявлением было обнаружено его самозванство и фальшивость патента, составленного для него маркизом Альято.

Рассказ об этом, встречающийся в разных сочинениях о Калиостро, не подтверждается нашими розысканиями. В единственной в то время русской газете — в «С.-Петербургских Ведомостях» — никакого объявления со стороны дона Нормандеца не встречается и, по всей вероятности, рассказ этот выдуман уже после отъезда Калиостро из Петербурга, куда молва об его самозванстве дошла из Митавы. Подтверждением тому служит следующий факт. По существовавшим в то время правилам, отмененным не далее как только лет пятнадцать тому назад, каждый уезжавший из России за границу должен был три раза публиковать в «С.-Петербургских Ведомостях» о своем отъезде, и вот в «Прибавлениях» к 79 номеру этих «Ведомостей», вышедшему 1 октября, между двумя извещениями об отъезде за границу — одним мясника Иоганна Готлиба Бунта и другим башмачника Габриеля Шмита, — показан отъезжающим «г. граф Каллиострос, гишпанский полковник, живущий на дворцовой набережной в доме г. генерал-поручика Виллера». Очевидно, однако, что он не мог бы присваивать себе этот чин, если бы о самозванстве его было уже заявлено испанским посланником в Петербурге. Найденное нами объявление, повторяющееся в 80 и 81 номерах «Прибавлений», опровергает также рассказ о том, будто Калиостро жил в Петербурге под именем графа Феникса и будто бы он был выслан оттуда внезапно по особому распоряжению императрицы, между тем как он выехал оттуда в общем порядке, хотя, быть может, и не без некоторого понуждения. Судя по времени отъезда Калиостро из Митавы и первой публикации об его отъезде из России, надобно придти к тому заключению, что Калиостро прожил в Петербурге около 9-ти месяцев. В продолжение этого времени испанский посланник, находившийся в Петербурге, мог затребовать и получить нужные ему о Калиостро сведения. В ту пору известия из Мадрида шли в Петербург около полутора месяца, как это видно из печатавшихся в «С.-Петербургских Ведомостях» политических известий. Но

дело в том, что никакого объявления со стороны Нормандца против Калиостро в русских газетах не встречается.

Другие обстоятельства не были также в пользу дальнейшего пребывания Калиостро в Петербурге. Независимо от того, что он, как масон, не мог встретить благосклонного приема со стороны императрицы, она должна была не слишком доверчиво относиться к нему и как к последователю графа Сен-Жермена, который, как мы заметили, находился в Петербурге в 1762 году и которого Екатерина считала шарлатаном.

Не достигнув блестящих успехов в высшем петербургском кругу как масон, врач и алхимик, Калиостро не мог уже рассчитывать на внимание к нему толпы в Петербурге, подобно тому, как это было в многочисленных городах Западной Европы. Для русского простонародья Калиостро, как знахарь и колдун, должен был казаться неподходящим. Он, по отзывам современников, отличался прекрасной и величественной наружностью. По словам барона Глейхена, Калиостро был небольшого роста, но имел такую наружность, что она могла служить образцом для изображения личности вдохновенного поэта. В тогдашней «Gázette de Santé»¹ писали, что фигура Калиостро носит на себе отпечаток не только ума, но даже гения. Одевался Калиостро пышно и странно и большей частью носил восточный костюм. В важных случаях он являлся в одежде великого кофты, которая состояла из длинного шелкового платья, схожего по покрою с священнической рясой, вышитого от плеч и до пяток иероглифами красного цвета. При такой одежде он надевал на голову убор из сложенных египетских повязок, концы которых падали вниз. Повязки эти были из золотой парчи и на голове придерживались цветочным венком, осыпанным драгоценными камнями. По груди через плечо шла лента изумрудного цвета с нашитыми на ней буквами и изображениями жуков. На поясе, сотканном из красного шелка, висел широкий рыцарский меч, рукоять которого имела форму креста. В своих пышных нарядах и при своей величавой внешности Калиостро должен был казаться простому русскому человеку скорее всего важным барином-генералом, но никак не колдуном. Известно также, что наш народ всегда предпочитал, да и теперь еще предпочитает в качестве колдуна «ледащего мужичонка», и чем более он бывает неказист и неряшлив, тем более может рассчитывать на общее к нему доверие. Притом для приобретения славы знахаря необходимо было уметь говорить с рус-

---

¹ «Газетт де Санте» (франц.). — (Ред.).

ским человеком особым складом, чего, конечно, не в состоянии был сделать Калиостро, несмотря на всю свою чудодейственную силу.

Как заморский врач, Калиостро в Петербурге мог найти для себя весьма ограниченную практику и опасным для него соперником был даже знаменитый около того времени Ерофеич, с успехом лечивший не только простолюдинов, но и екатерининских царедворцев и тоже открывший своего рода жизненный эликсир, который и доныне удержал за собой прозвище изобретателя.

Несмотря на все свое старание избежать столкновения с петербургскими врачами, Калиостро все-таки подвергся преследованию с их стороны. Барон Глейхен рассказывает, что придворный врач великого князя Павла Петровича вызвал Калиостро на дуэль. «Так как вызванный на поединок имеет право выбрать оружие,— сказал Калиостро,— и так как теперь дело идет о превосходстве противников по части медицины, то я вместо оружия предлагаю яд. Каждый из нас даст друг другу по пилюле, и тот из нас, у кого окажется лучшее противоядие, будет считаться победителем». К сожалению, барон Глейхен не говорит ничего о развязке такого оригинального поединка.

В другом рассказе о жизни Калиостро повествуется, что перед самым выездом его из Петербурга знаменитый врач императрицы англичанин Роджерсон окончил записку, которую он был намерен пустить в печать и в которой обнаруживал начисто все невежество «великого химика» и все наглые его обманы.

Кроме тех причин, скорее всего политического, а не романтического свойства, вследствие которых Калиостро не счел удобным оставаться долго в Петербурге, можно привести и следующую еще причину. Опасным противником его врачебного шарлатанства был Месмер, который сильно подрывал его прежние успехи. Между тем оказывается, что сведения о месмеризме — этой новой чудодейственной силе — стали проникать в Петербург именно в то время, когда находился здесь Калиостро. Так, в ту пору в «С.-Петербургских Ведомостях» рассказывалось «о чудных целениях, производимых посредством магнита славным врачом господином Месмером». «А ныне,— прибавлялось в «Ведомостях»,— другой врач, женевский доктор в медицине Гарею, упражняясь особо в изысканиях разных действий магнита, издает о том книгу». При том увлечении магнетизмом, какое обнаруживалось на первых порах

его появления, при безграничном веровании в его таинственную и целительную силу, эликсир Калиостро и его магия могли казаться пустяками, не выдерживающими никакого сравнения с новой открытой Месмером сверхъестественной силой. Калиостро мог предвидеть, что при таких неблагоприятных для него условиях, он не будет иметь в Петербурге успеха, почему и предпочел выехать поскорее оттуда, чтобы не загубить вконец своей прежней репутации.

VII.

Вынужденный наскоро выехать из России, Калиостро не успел побывать в Москве; но, по всей вероятности, он и там не встретил бы особенного успеха. Так надобно полагать потому, что московские масоны оставались совершенно равнодушными к приезду Калиостро в Россию. Событие это не прошло, однако, без неблагоприятного влияния на русское масонство, так как Калиостро вселил в Екатерину II еще большее нерасположение к масонам. В 1780 году императрица напечатала книжку под заглавием: «Тайна противонелепого общества». Книга эта для мистификации значилась изданной в Кельне в 1750 году; в ней было осмеяно вообще масонство и его тайны. С целью же изгладить окончательно те зловерные следы масонства, которые, по мнению Екатерины II, мог оставить после себя Калиостро в русском обществе, она написала комедию под заглавием «Обманщик», которая была представлена в эрмитажном театре в первый раз 4-го января 1786 года. В ней выведены нелепость и вред стремления к духовидению, к толкованию необъяснимого, к герметическим опытам и т. д. В этой комедии в лице Калифалкжерстона был выведен Калиостро, затеи которого были приурочены к учению мартинистов, названных в комедии «мартышками». С той же самой целью была в том же году написана императрицей и другая комедия под названием «Обольщенный». Обе эти комедии были переведены на немецкий язык.

Из Петербурга, проехав тайком через Митаву, Калиостро явился в Варшаву, а отсюда через Германию направился в Страсбург. Здесь он сумел приобрести себе расположение со стороны католического духовенства и дела его пошли великолепно; жил он роскошно и здесь же познакомился с кардина-

лом Луи Роганом, тогдашним страсбургским епископом, сделавшимся впоследствии столь известным по так называемой «истории с ожерельем». Прожив довольно долго в Страсбурге, Калиостро побывал потом в Лионе и Бордо и, наконец, очутился в Париже, где слава Калиостро, как алхимика, врача и прорицателя, возрастала все более и более. Лоренца тоже, и притом с большим успехом, начала подражать занятиям своего мужа, открыла магические сеансы для дам, а Калиостро публично объявил об учреждении им в Париже ложи египетского масонства. Число мастеров ложи ограничивалось тринадцатью, а поступление в это звание было трудновато, так как, кроме полной веры в главу ложи, от поступающих в нее требовалось иметь видное положение в обществе, пользоваться безукоризненной репутацией, получать по крайней мере 50,000 ливров годового дохода и не быть стесненным никакими семейными и общественными отношениями. Все это сделало ложу египетского масонства чрезвычайно привлекательной для людей богатых и знатных и доставило Калиостро самую сильную поддержку в парижском обществе.

Среди таких успехов Калиостро разыгралась упомянутая и слишком хорошо известная история с ожерельем. Калиостро и жена его были замешаны в эту историю, но суд оправдал их, что и подало повод к шумным манифестациям, быть может, не столько из расположения к самому Калиостро, сколько из ненависти ко двору, для которого эта скандальная история была жестоким ударом. Тем не менее Калиостро стал думать об отъезде из Франции и через Булонь уехал в Англию. Здесь в 1787 году он напечатал свое знаменитое послание к французскому народу, враждебное королевской власти, предсказывая в нем довольно ясно грядущую революцию и предстоящее разрушение ненавистной ему Бастилии. Но в Лондоне счастье ненадолго повезло Калиостро. Бойкий журналист Моранд, с которым он вступил в полемику, разоблачил всю его прошлую жизнь. Тогда прежнее обаяние его исчезло, а вместе с тем явились кредиторы, и Калиостро стало так плохо в Лондоне, что он счел нужным убежать в Голландию; отсюда он перебрался сначала в Германию, а потом в Швейцарию. Ему, однако, помнилась его некогда блестящая жизнь в Париже, но попытка вернуться во Францию ему не удалась. Он поехал в Рим и, по убеждению Лоренцы, жил там некоторое время спокойно; но, мало-помалу, он вошел в сношения с римскими масонами и успел даже учредить в папской столице ложу египетского масонства. Один из его адептов донес на него, за

ним стали следить внимательно и вскоре открыли его переписку с якобинцами, почему он в сентябре 1789 года был заключен в крепость св. Ангела. Римская инквизиция собрала самые подробные сведения об его жизни, и Калиостро, 21-го марта 1791 года, был под настоящим своим именем Джузеппе Бальзамо приговорен к смертной казни, как еретик, ересеначальник, маг-обманщик и франкмасон. Но папа Пий VI заменил смертную казнь вечным заточением в крепости св. Ангела, где Калиостро и умер спустя два года после произнесения над ним этого приговора.

Е. П. Карнович
КАЛИОСТРО В ПЕТЕРБУРГЕ

Печатается по изданию Е. П. Карнович.
Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий.
Издание А. С. Суворина, С.-Петербург, 1884 г.

Редактор О. П. Байкова
Художник В. А. Теренин
Художественный редактор М. В. Горняк
Технический редактор Л. А. Каменева
Корректор В. Н. Курятникова

Сдано в набор 25.05.90. Подп. в печать 13.04.90. А-01249. Формат 60×84/16. П. л. 2. Усл. п. л. 1,86.
Уч.-изд. л. 1,539. Усл. кр.-отт 2,325. Изд. № 062600391. Тираж 400 000 экз. Цена 50 коп. Печать
офсетная. Бумага офсетная. Заказ 3883. 123557. Москва. Б. Тишинский пер., 38. Типография изда-
тельства «Горьковская правда». 603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

К 5106000000-279
088(02)-90

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы приобрели одну из брошюр популярной библиотечки «Коробейник», выпускаемой издательством «Панорама». «Коробейник» включает в себя 3 серии: «Мгновения истории», «Для дома, для семьи», «С собой в дорогу», в которых публикуются произведения научно-популярного и развлекательного жанра. Небольшой объем брошюр, доступная цена, популярность изложения разнообразных, но всегда вызывающих интерес тем, надеемся, и дальше будут привлекать ваше внимание.

Издательство «Панорама», помимо популярной библиотечки «Коробейник», выпускает общественно-политическую, художественную и мемуарную литературу, альбомы, рисованные книги. Издаются также плакаты, календари, открытки, фотоиздания.

Всю информацию о будущих изданиях вы найдете в выпусках «Книготоргового бюллетеня», которые имеются в книжных магазинах, а также в ежеквартальных выпусках «Панорама» предлагает.

НАША РЕКЛАМА!

Издательство «ПАНОРАМА», имея в своем составе квалифицированных художников и редакторов, располагая современной полиграфической базой, может подготовить к печати и издать рекламные плакаты, буклеты, листовки о деятельности и продукции государственных, кооперативных, совместных предприятий и фирм, а также общественных организаций. Издательство может также поместить рекламу в своих изданиях.

Предварительную информацию об условиях оформления, выполнения и оплаты заказа Вы можете получить по адресу: 123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38, издательство «Панорама» и по телефонам: 205-33-61; 205-38-65.

